

from *A Poet's Notebook*

Chapter Three. Moscow and Things Tangential to Her (fragment)

While I fidgeted, cinching a suitcase,
On the upper bunk of the rocking railroad car,
For some miles the sharp close-ups of Moscow's
Suburbs, luxuriant feast for the eyes, followed
One another in the window frame:
The sickly, monkish fir trees, clickety-clack!
And here already the sky in drifts of snow,
And a Russian cottage with attic and flower bed,
Where Baratynsky or Yazykov relaxed....
And again the glades where, evidently, the crows
Appeared at receptions in tie and tails.
And in cosmic concord with the wheels, far off,
The Easter cakes of Moscow with her lollipop
Churches rocked the copper rims of green bells....

Moscow! A golden sunset of noble cupolas,
The greedy nostrils of smoke of the factory jails,
And in the foundation pit – piled cubes, prisms,
Octahedrons and other geometric shapes....
Just so. In not one of these lit-up windows
Is anyone lost in thought on my account.
But the day will come – the electric crackle
Of my thoughts will contract their wild flesh in spasm,
Not for nothing do the peeling winds
Fan my curls into a crown.

1927

Илья Сельвинский

ЗАПИСКИ ПОЭТА

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МОСКВА И КАСАТЕЛЬНЫЕ К НЕЙ

(фрагмент)

Покуда я нервничал, стягивая чемодан,
На верхней наре раскачивающегося вагона –
В раме окна на три тысячи с лишним метров,
Не щадя затрат, менялись четкие кадры
Подмосковных видов: чахли монашьи елочки
Чах-чтчах! – и вот уже небо в сугробах,
И вот уже русский коттедж с мезонином и клумбой,
Где отдыхал Баратынский или Языков...
И снова лужайки, куда, очевидно, на раут
В вечерних фраках и галстуках явились вороны.
А вдалеке в космическом ладе с колесами
Куличи Москвы с ее леденцовыми церквами
Качали медные губы зеленых колоколов...

Москва! Золотой закат благообразных глав,
Жадные ноздри дыма фабричных тюрем,
А в котловине – нагромождение кубов,
Призм, октаэдров и прочих геометрических фигур...
Так. Ни в одном из этих освещенных окон
Нет никого размышляющего обо мне,
Но будет день – электрический треск моей мысли
Судорогой сведет их дикое мясо,
Недаром же кудри мои раздувают в корону
Эти колокольные ветра.

1927